

18+

Игорь Миновских
Четыре
сказки
о мистике

Новеллы-сказки

Игорь Дасиевич Шиповских

Четыре сказки о мистике.

Новеллы-сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51691343

ISBN 9785449846501

Аннотация

Сказки о коварстве и похоти, о наследственности и колдовстве, о магии и плутовстве, о жестокости и доброте, о гневе и чистоте, о грубости и ответе на неё, о творчестве и стремлении к нему, о порой тяжёлой актёрской судьбе и счастливом чувстве востребованности. А ещё о заносчивости и спеси, о доброте и терпимости, о неожиданной любви и обретении истиной дружбы, и о том, насколько заслужено бывает, жесток мир к жадным, алчным людям, которым нет дела ни до кого, кроме самих себя и своих нужд...

Содержание

Сказка о мистических событиях происшедших с неким Феофаном, ханжам и нервным лучше не читать	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Четыре сказки о мистике
Новеллы-сказки
Игорь Дасиевич
Шиповских

© Игорь Дасиевич Шиповских, 2020

ISBN 978-5-4498-4650-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о мистических событиях происшедших с неким Феофаном, ханжам и нервным лучше не читать

1

Всё, что изложено далее, произошло во второй половине XIX века, в уездном городке N-ске, который затерялся на западных рубежах Малороссии, хотя вполне возможно, что и гораздо ближе к её северной окраине. Сейчас уже мало кто помнит, где точно находился тот городок, но то, что описываемые ниже события случились именно в нём – сомнению не подлежит. Впрочем, в те далёкие времена все уездные городки походили друг на друга, как две капли сливовой наливки, кою в тех же городках по осени и заготавливали в немереных количествах. И даже делалась та наливка из одного и того же сорта слив.

Так что, отведав такого напитка в одном городке, можно было смело утверждать, что в другом он будет точно таким же. Притом и трактирщики, и трактиры, где подавали сию наливку, были также неразличимы. Ну а что касемо прочего городского устройства, так и тут всё было одинаково; всё та же одна церквушка с погостом, одна городская

управа с городничим-мздоимцем, одна богадельня или больница на сотню, а то и меньше обывательских дворов, вот, пожалуй, и всё устройство.

Правда в некоторых городках имелись ещё и усадьбы с весьма зажиточными горожанами. И лишь это, за редким исключением, являлось основным отличием. Точно такая же усадьба имелась и в городке N-ске. А владельцем её был некто Муромцев Нифонт Игнатьевич, возраста лет пятидесяти, внешне импозантен, раскован, и для той местности, весьма состоятельный Коммерсант Наивысшей Квалификации. И тут сразу надо отметить, что сим хвалебным эпитетом, это он так сам себя называл.

– Я вам не какой-нибудь там купец, либо ярмарочный торговец!... Ни бакалейщик-лавочник, или негоциант-разъездник!... Я коммерсант с большой буквы, притом со связями в высшем обществе!... Да коли мне надо будет, я на любого здешнего чиновника в самой столице управу найду!... Там меня знают!... Я в таких кабинетах знакомство водил, что нашему городничему и не снилось!... Всех здешних в бараний рог согну!... – обыкновенно отведав сливовой наливки не раз кичился Нифонт своими связями в кругах верховной власти.

Бывало так разойдётся, что начинает поминать самого царя-батюшку, мол, он по случаю был у него в царском дворце на аудиенции и даже сам лично припадал к державной руке; не рукопожатно конечно, но всё же прикасался. В общем,

по хмельной лавочке любил Нифонт козырнуть столичными знакомствами. И ведь что интересно, все его рассказы подшофе были чистой правдой. Он действительно как-то однажды на спор с одним важным чиновником из госканцелярии попал в царский дворец, и определённо виделся с государем. При этом были многие свидетели, что присутствовали в тот день на аудиенции.

Проще говоря, люди видели, как Нифонт во время особого царского приёма отделился от общей толпы приглашённой знати и раболепной походкой подошёл к государю. Затем вежливо отрекомендовался, что-то там прошёптал и заискивающе поклонился. Отчего царь раскованно усмехнулся и милостиво протянул ему руку. Нифонт тут же припал к тыльной стороне ладони губами, и также быстро, робкими шажками пропятился спиной назад к общей толпе гостей, слился с ней и растворился, будто его не было.

Однако для всех так и осталось загадкой, что это за такой дерзкий смельчак подходил к государю, чего прошептал ему, и куда-то потом резко исчез. Хотя тот важный чиновник-канцелярист с кем Нифонт бился о заклад, прекрасно знал, что это за человек касался царской особы, что шептал, и куда затем делся, ведь чиновник из-за этого проспорил огромную сумму своего наследственного капитала, который столетиями собирал его род. Пришлось-таки чиновнику отдать Нифонт солидную часть родовых накоплений.

А Нифонт и рад, за один раз почти целое состояние заи-

мел. Никто не верил ему, что он сможет без весомой протекции пробиться на аудиенцию к государю, обмолвится с ним словом, да ещё и прикоснуться к нему. Немыслимые условия пари, никто бы не смог такое исполнить, а вот Нифонт сумел, у него был свой секрет для подобных дел.

– Я вам не какой-нибудь там индийский факир или балаганный фокусник, ... и даже не маг или шаман! ... Я мистик высшей категории! ... Мои способности сродни колдовским! ... Я человека так заговорю, что он с себя последнюю рубашку снимет и мне отдаст! ... Я ему такую иллюзию Рая внушу, что он меня за Христа почитать станет! ... – также во хмелю не раз хвалился он, и это тоже было правдой. Нифонт мог запросто уговорить человека дать ему займы, или просто подарить чего-нибудь ценного.

Случалось, увидит он красивую лошадь, и тут же к её хозяину с просьбой, дескать, дай покататься, страсть как хочется. И ведь не получал отказа, катался сколько ему вздумается. Уж такой дар убеждения у него был. Просто удивительно, все что захочет, выпросить мог. Но зато попробуй у него самого чего попроси, о, тут сразу на грубость нарвёшься. Такими словами тебя покроет, что уши в трубочку свернутся. Пощады в этом деле ни для кого не было; хоть городничему, хоть полицмейстеру, хоть казначею, хоть священнику, все от него по полной получали, потому и старались ничего у него не просить.

Нифонт даже налогов не платил, и никакой ревизор ему

не указ. Чуть что не по его, он мигом тростью в глаз, бац наотмашь, а у того синяк или шишка, и пожаловаться некому, ведь все знали о его связях в столице. Одним словом Нифонт чувствовал себя в городке вольготно, по хозяйски, никто и ничто ему не помеха. Он тут закон, всех под себя подмял. Но что ещё прискорбно для городка, так это наличие у Нифонта сына. Да-да, вот у такого пройдохи-ловкача, хитрована-колдуна, отпетого негодяя-мошенника, был сын. Звали его Феофан, а по отчеству, соответственно – Нифонтович.

Притом и характер у него ничем не отличался от батюшкиного. Такой же своенравный, наглый, отвратный, беспредельный и даже где-то жестокий. Точная копия отца, но только моложе его лет на тридцать, ему совсем недавно исполнилось всего лишь двадцать лет. Хотя он и за такой короткий срок успел столько всего несправедного натворить, что иному взрослому человеку за всю жизнь не свершить. Феофан был грешен; много врал и обманывал, он умел, и мозги людям запудрить, и обобрать их как липку. При этом в спорах и пари, так же, как и его отец, всегда хитростью одерживал победу. И вот здесь стоит упомянуть один весьма скабрёзный случай, что произошёл несколькими годами ранее.

2

В те времена Феофан ещё только подрастал, был совсем молоденьким юношей, можно сказать подростком. Однако уже в этом возрасте он весьма сильно интересовался жен-

ским полом, притом – в прямом смысле «женским». Удивительно, но ему нравились женщины уже зрелые, состоявшиеся, ни какие-то там девицы-сверстницы, а наоборот, набравшие соки жёны. Но, разумеется, не слишком перезревшие или перебродившие, а именно, как говорится, женщины в самом соку.

– Вот эти точно по мне, ... они уж и грех poznали, опыта в любовных утехах набрались, ... теперь пусть и меня позабавят, ... порадуют юношу своими прелестями, ... ха-ха-ха! ... А молодых девиц мне не надо, что с них проку, ... сконфужатся, ... скукожатся все, ... краской зальются и делать ничего не умеют, ... ха-ха-ха, ... ущербные они какие-то! ... – издевательски надсмехался он над одноклассниками, при этом, не забывая соблазнять зрелых женщин, а особенно замужних.

Уж непонятно отчего, но у него именно такой пунктик образовался; то ли потому, что матери он никогда не знал (Нифонт его ещё младенцем из столичной поездки привёз, можно сказать отнял от материнской груди), то ли из вредности, хотел всем семейным парам насолить, а может и ещё по какой причине, но только была у него страсть благовоспитанных матрон совращать.

И вот как раз в ту пору поселился в городке отставной прапорщик со своей немолодой, но ещё вполне не старой, красавицей женой. Детей у них пока не было, не успели обзавестись. Прапорщик постоянно служил, а жена дома по хозяйству хлопотала; обеды варила, за порядком следила, бе-

льё стирала. В общем, то да сё, недосуг им было детей растить. А тут оглянуться не успели, а у прапорщика уже возраст за сорок, и его с полным пенсионом в отставку отправили. Делать нечего, надо как-то к мирной жизни приспособиваться.

В столице жить дорого, оставаться там не резон, а вот в провинции самый раз. Тем более что прапорщик когда-то по молодости в этих местах уже служил, понравилось ему тут, сюда и перебрались. А жене его едва тридцать исполнилось, самый расцвет, налилась, всё при ней; и лицом-то пригожа, и фигурой-то ладная, и походка лёгкая, идёт, словно лебёдушка плывёт. Ну и конечно, Феофан не мог её не заметить. Как же такую-то паву пропустить. И всё, взялся за неё, проходу ей не даёт, караулит на каждом углу.

– Ах, какая цыпочка,... моя будет,... уж я ей задам жару,... ха-ха-ха!... Клянусь, не упущу!... ха-ха-ха!... – вновь хохоча, зарёкся он, и даже отцу про неё рассказал, мол, хочу ей овладеть. А тот его и отговаривать не стал.

– Вот это правильно, сынок!... Уж коли чего решил, то надо добиваться,... а я тебе помогу,... научу тебя одному мистическому заклинанию, супротив которого ни одна божья тварь не устоит; и будь то, хоть стоялый жеребец, хоть девица бывалая, хоть волчица дикая, пойдёт за тобой, куда скажешь!... Мне это заклинание наши предки завещали,... а они, сам знаешь, непростыми людьми были!... Так что владей навыками, а я тебе их ещё передам... – наобо-

рот, с большой охотой приветствовал Нифонт желание своего сынка-недоросля. При этом он и про их предков не со-врал, они и вправду непростыми людьми были.

В родове у них всё больше колдуны да ведьмы водились. Да и с чертями они тоже знакомство водили, а бесы с нечи-стой силой у них в приятелях ходили. Не без их участия Ни-фонт к царю-батюшке на приём попал, тут конечно без кол-довства не обошлось. Хотя говорить вслух в их семье об этом было неприято. Всё было окутано тайной, даже доходы и ка-питалы с колдовских сделок не подлежали огласке, всё скры-вал мрачный налёт мистики. Потому-то Нифонт и называл себя – Коммерсантом с большой буквы, это придавало его положению в здешнем обществе определённый вес.

Впрочем, такое бахвальство и в наше время общеприня-то. Вот глянешь на какого-нибудь нувориша; и дом-то у него огромный, и земельный участок необъятный, хотя ещё со-всем недавно он чуть ли не совсем босой ходил, а тут враз обогатился, и при этом всего лишь чиновник средней руки. Но зато кричит повсюду, мол, это всё он имеет только благо-даря коммерции, дескать, супруга у него весьма даровитый Коммерсант. А на самом деле, тут явно без взяток и чер-товщинки не обошлось, наверняка сатане поклоняются, хотя и в церковь ходят свечки ставить.

Одним словом сынок Нифонта все наследственные повед-ки своего отца успешно перенял, и в том числе научился очень ловко женщин совращать. Не прошло и недели, как

та благовоспитанная жена прапорщика стала оказывать Феофану знаки внимания. Пока значится сам прапорщик где-то на рыбалке или на охоте промышлял, она на крылечко выйдет, встанет сиротливо, и на Феофана поглядывает, как тот перед ней важно вышагивает да глазки ей строит. Притом видно как он нарочно спотыкается и смешно ругается. А она и рада улыбаться его чудачествам. Хотя замужним женщинам это не положено, нельзя усмехаться на ужимки молодых юношей. Но ей такой запрет не помеха.

Прошёл ещё один день, и она уже сама Феофану подмигивает, ждёт, когда он перед ней куражиться да флиртовать начнёт. Теперь уж и Феофан от души старается; гоголем ходит, взоры ей с намёками бросает, лукаво улыбается, свои ровные белые зубы демонстрирует. Тут-то она его к себе пальчиком и поманила. А он и не застеснялся, сходу к ней помчался.

– Чего изволите, барышня!?!... во всём рад вам услужить!... – подбегает, и с почтением ей говорит, а сам глаз от неё не отводит.

– Да это уж я у тебя хочу спросить, чем таким заслужила столь пристальное твоё внимание?!... вон как ты на меня смотришь,... не отстаёшь!... Только мой муж куда-нибудь удалится, как ты тут же покажешься!... Так что это ты мне скажи, чего ты изволишь?!... – мигом нашлась, чем ответить, жена прапорщика.

– Ой, ли?!... только ли я изволю?!... Ну не уж-то я вам

не интересен?... думаю, не был бы интересен, не вышли бы вы на крыльцо и не приветили меня!... А мне и надо-то от вас лишь одного, чтобы вы на меня смотрели да радовались,... хочу вам весёлую жизнь устроить,... чтоб вы, пока мужа нет, не скучали!... А коли уж на чистоту говорить, то вы мне сильно нравитесь!... Я вас как первый раз увидел, так сразу полюбил, честно и беззаветно!... Ничего мне от вас не надо, лишь бы вы улыбались!... – типичными ухажёрскими комплиментами разразился Феофан, и ведь что интересно, цели своей добился. Барышня-то очаровалась его признанием.

– Вон оно как!... вот уж не думала, что ещё способна вызывать такие чувства у мужчин!... Удивил ты меня!... Хотя и очень приятно,... спасибо тебе, ведь мне от твоего поведения действительно весело,... скучать не приходится!... – расчувствовавшись, поблагодарила его барышня. Ну а дальше – больше, завязался разговор. Феофан так и сыпет комплиментами, да не простыми, а с перчинкой, с ягодкой; про её румяное личико говорит, восторгается, о её стройной фигуре хвалебные рифмы слагает. Уж так разошёлся, что и не остановить. А барышня хоть и матрона бывалая, и, казалось бы, за свою жизнь всяких комплиментов наслушалась, но тут растаяла, потекла, словно сахарная горка. Ох, недаром же говорят, что женщина ушами любит.

Вот и получилось, что жена прапорщика всего за одну беседу с Феофаном безумно в него влюбилась. Ах, бедная

женщина, да если бы она знала, что он в той беседе заговорённые словечки вставлял и хитрые, коварные, колдовские приёмчики употреблял. В общем, свёл с ума бедняжку Феофан, и она уж на всякие скабрёзные поступки с ним согласна. А так вскоре всё и вышло. Соблазнил её Феофан, уговорил на измену, охальник. Подсыпала она мужу сонного порошка, да на сеновал к Феофану поспешила. Там-то они до утра амурными делами и занимались.

Следующим вечером всё повторилась. Изменщица мужу снова снотворного порошка подсыпала, а сама опять к Феофану на сеновал сбежала. Так дальше дело и пошло. Каждую ночь у них амурные приключения, а муж спит и ничего не знает. И всё бы ничего, да только в таком маленьком городке любовной связи долго не утаить. И месяца не прошло, как все уже знали, чем жена прапорщика с Феофаном на сеновале занимается. Ну и, разумеется, вскоре и сам прапорщик всё узнал. Добрые люди ему на ушко нашептали, пока он рыбачил. Ох, и взъерепенился он, удочки побросал и домой побежал. Примчался, сразу за ружьё схватился и к жене с расспросами.

– А ну отвечай, Евина дочь!... Правду люди говорят, что ты мне изменяешь, вражье племя!?... – в сердцах раскричался он и ружьё вскинул. А жена молчать не стала, ружья не испугалась.

– Делай со мной что хочешь,... стреляй, убивай, но таиться, у меня больше сил нет!... Люблю я его!... жить без него

не могу... – смело отвечает она и на колени упала, голову склонила, смерти ждёт. А прапорщик как услышал, что тут не просто измена, а его уже не любят, так ружьишко-то развернул, вмиг приспособился, да и в себя пульнул. Свалился как подкошенный, но, то ли он поспешил, то ли рука не твёрда была, а только не дострелил он себя, лишь покалечил; дробью в грудь попал и плечо изрешетил. Правда, крови много было, он потом целый год брусникой да клюквой отпивался, чтоб кровопотерю восстановить.

А жена-то как выстрел услышала да окровавленное тело мужа увидела, так сразу, словно прозрела; вон оказывается муж-то у неё какой хороший – её не тронул, а сам застрелился, и вся её любовь к Феофану вмиг прошла, разколдовалась она, слетело с неё заклятье, и она к мужу кинулась. Давай вопить, Бога молить, чтоб супруг выжил. Ну, он и выжил. Доктор примчался, хоть и старенький, но сноровистый попался, опытный, быстро кровь остановил, все дырки от дробинок зашил, плечо подлатал, да ещё и всего подорожником обмотал, а это лекарство хорошее, проверенное. Так что через неделю раненый на поправку пошёл.

Ну а спустя ещё несколько дней, и прапорщик, и его жена съехали прочь из городка. Дом продали и умчались в неизвестном направлении. Так для них всё и закончилось. А Феофану хоть бы хны, с него, что с гуся вода, ему вообще на всё наплевать, он ходит, посмеивается, своей белозубой улыбкой солнечные зайчики пускает. Получил, что хотел, и дальше

живёт, как ни в чём не бывало. И ладно бы такой случай последний был, так ведь нет же, после той истории и до нынешнего дня их ещё несколько десятков случилось. Вот какой негодник, этот Феофан.

3

Ну а как Феофану двадцать лет-то исполнилось, так он только ещё больше распутничать стал. Но при этом у него вдруг вкусы поменялись; если раньше его интересовали более опытные, умные, зрелые женщины, то теперь он неожиданно переключился на молоденьких и глупеньких девиц. Видимо такие перемены с возрастом произошли. Но что ещё удивительно, так это его внезапное увлечение собственным внешним видом и своим одеянием. В юные-то годы он предпочитал носить точно такие же одежды, что и его отец; простые, чёрные костюмы или строгие тёмно-серые сюртуки, в купе с хромовыми сапогами, либо остроносими туфлями, и всё, никаких излишеств.

– Такое одеяние придаёт нам ореол таинственности и налёт мистики!... Мы же с тобой люди необычные, а потому носить всё чёрное и строгое, нам к лицу!... Так пусть же горожане при нашем появлении чувствуют у себя лёгкий холодок по спине!... – неоднократно высказывался на эту тему отец и был прав. Порой, встретив его во всём чёрном, тёмным вечером, где-нибудь в переулке, местные жители испытывали тихий ужас и раболепное благоговение. Таким образом, мрачное гнетущее одеяние долгое время было некой ви-

зитной карточкой их семьи.

И тут неожиданно Феофан поменял свои приоритеты, вдруг вырядился в вычурный, расшитый бархатом кафтан. Притом приодел под него ярко-лиловую рубашу, в дополнении с канареечного цвета галстуком. Разумеется, брюки и обувь, были подобраны соответственно всему ранее перечисленному. И венчала сей вызывающий гардероб, шляпа цилиндр типа «шапокляк». О, это было нечто кричащее, режущее глаза и заявляющее о себе. От такого убранства, Нифонт, увидев сына, аж чуть слов не лишился.

– Да ты что ещё затеял?... Это же, какое злодеяние надо удумать, чтоб так обрядиться?... Ты видимо смерти моей хочешь?... Чем тебе наш чёрный имидж не угодил?... Что ты такое на себя напялил?... Кого насмешить решил?... – сбиваясь и путаясь, еле протараторил он.

– Ах, отец,... ну, что ты понимаешь,... ты уже устарел со своей чёрной гаммой!... Ныне ни один уважающий себя чёрнокнижник в траурное не оденется!... Веселей надо жить,... развлекаться,... хотя бы мантию с кроваво-красным подбоем носить!... Прошла та пора, когда я во всём тёмном возрастных вдовушек да почтенных жён соблазнял-добивался!... А сейчас я желаю с молоденькими позабавиться!... Ты мне помог,... многому научил, колдовские секреты передал, магические заговоры рассказал,... поделился знаниями, как пари не проигрывать, людей в транс вводить, воли их лишать и себе подчинять!... Спасибо тебе за всё, а теперь я

уж сам разберусь, как мне это применять!... Так что отойди в сторонку, отец,... мой черёд настал над народом куражиться!... ха-ха-ха!... – дерзко ответил Феофан и расплылся своей привычной, белозубой ухмылкой, явно давая понять, что отныне он самостоятельный, и в отцовских советах более не нуждается. На что Нифонт, хоть и чёрная душа, но всё же решил дать сыну ещё один добрый совет.

– Погоди-погоди, не спеши!... Ты ещё не все магические приёмы превзошёл,... не со всеми злыми духами знакомство снискал,... смотри, как бы тебе чёрная магия боком не вышла, ведь у любого заклятья есть и обратная сторона!... Ты же знаешь, что я весьма опытный в этих делах человек,... на том весь наш капитал создан,... богаче меня и тебя, пожалуй, и в самой столице трудно кого-то найти!... Но даже я ко всем колдовским делам осторожно отношусь,... и если есть возможность, то не применяю их, ибо за каждый магический приём потом приходится расплачиваться!... Колдовские силы за всё откупа требуют!... Так что может, ну их, эти твои амурные забавы!?... Лучше займись серьёзным, стоящим делом,... съезди в столицу, влейся в общество,... походи по салонам, познакомься с тамошними людьми, поиграй с карточными шулерами, сделай ставки, обмани их, обхитри, примени свои чары. Добейся от людишек прибыли, изыми их капитал, ведь они его всё равно нечестно нажили,... так тебе и оплата за него малая будет, всё с рук легко сойдёт,... вот это дело будет!... Ну а ты собрался тут провинциальных,

глупых девок пользоваться, а это даже по нашим меркам негоже, грех, ... бросил бы ты эту затею, не то потом беды не оберёшься... – запричитал Нифонт, отговаривая сына. Но тот, ни в какую уступать не хочет.

– Да полно тебе батюшка, ... успею я ещё в столице побывать да у тамошних толстосумов-богатеев карманы почистить! ... Мне ныне здесь интересно, ... да ты сам посмотри, сколько за последние годы молодой поросли повылезло, ... девки все румяные, пышные, красотки как на подбор! ... Пока я с вдовушками да матронами баловался, тут такой цветник образовался! ... Вот я под стать ему-то и оделся, ... юным девам такой наряд особо нравится! ... Ох, пройдуся я по городку, шороху наведу! ... Всех глупышек с ума сведу! ... Все они у моих ног лежать да визжать будут! ... Вот это будет победа, вот это для меня награда, вот где истинное наслаждение властью! ... А что проку с того, коли я из столицы лишних денег привезу, ... чепуха это всё, ведь у нас их и так с избытком, девать некуда, тратить не на что! ... А вот поохотится на здешних красоток, это мне по нраву, ... так что не взыщи, но я свой выбор сделал! ... – резко ответил отцу Феофан и поспешил пройтись прямо по центральной улице городка, как сказал, шороху навести.

4

Идёт Феофан по мостовой, выступает величаво, словно какой столичный денди, а не местный коммерсант. Голову задрал, грудь колесом выпятил, улыбку свою белозубую

на пол лица растянул, и для пушего форсу шляпу набекрень натянул, так у него вид ещё помпезней получился. Ну и, разумеется, тут же шепоток по всей округе пробежал, мол, сын Нифонта в такого франта превратился, что от его прежней серости и следа не осталось. Конечно, все и до сей поры, про него и так наслышаны были; и про его амурные похождения со зрелыми матронами знали, и про шашни с замужними дамами ведали, но, то был прежний, юный мальчуган-повеса, а тут такой роскошный молодец по городку идёт. И уж так одет, что любая молодёнькая дурёха от его пафоса с ума сойдёт.

Ну и вполне естественно, что повыскакивало тех дурёх со всех дворов немереное количество. Все хотят на изысканного пижона позарится. Глядят глупышки, и глаз оторвать от него не могут. А надо заметить, что Феофан действительно был хорошо собой, на лицо опрятен, светел, чист, а какие по малолетству прыщи случались так давно уже сошли. И с возрастом наоборот лицо его приятной гармонии набрало, а фигура стать получила. А уж любовного опыта у Феофана теперь столько, что на гусарский полк хватило бы, да ещё и осталось бы.

И вот идёт он весь такой шикарный по городку, а все местные девицы на него глядят, и наглядеться не могут. Тут и дочка галантерейщика, и кузина бакалейщика, и купеческие девицы-близняшки повыскакивали, и чиновничья поросль в бархатных платьицах высыпала, и даже городни-

чего старшая наследница, Фёкла, с младшей сестрой в окна уставились. Смотрят, выглядывают, и переговариваются, рты у них не закрываются. В общем, как хотел Феофан, так у него и получилось, навёл шороху. Полгородка девиц в него влюбилось, а остальные просто разума лишились. Ох, и произвёл он фурор, то всё в тёмном ходил, страх-тоску наводил, а тут прям всем девицам угодил.

Ну и конечно пока гулял, наметил себе парочку первых жертв; дочку галантерейщика и кузину бакалейщика. Уж шибко они ему понравились; румяные, круглоликие, пышные. А кузине бакалейщика как раз недавно шестнадцать годков исполнилось, расцвела вся, но ещё дурёха дурёхой, совсем смётки нет, только одни платья да причёски с туфлями на уме. А Феофану это лишь на руку, он для таких девиц и нарядился, форсу напустил. И недолго думая, в тот же вечер, в лавку бакалейщика направился, соблазнять его кузину. Хотя чего её соблазнять-то, ей только рукой махни, она и сама прибежит. Но Феофану лёгкая победа не нужна, ему покуражиться хочется, а потому он сразу с порога затеял с хозяином лавки витиеватый разговор.

– Доброго здоровьечка!... Давно я у вас не был,... всё недосуг зайти!... А тут гляжу, кухня-то у вас как подросла,... я-то помню её ещё девчонкой с веснушками!... И вдруг давеча на улице вижу, вон она, какая красавица стоит,... в розовом платьице, с рюшками, вся такая румяная,... да на меня смотрит, как я дневной променад совершаю!... Хо-

дил да размышлял, а не поехать ли мне в столицу?... может, там пожить остаться?... Но одному-то ехать скучно,... ну я и подумал, а что если вашу кухню пригласить,... кстати, где она?... – встав у прилавка, меланхолично так спросил он у бакалейщика. А тот как про столицу-то услышал, так аж весь в струнку вытянулся, ведь он-то о столице с малолетства грезил. А тут его кухню туда приглашать собираются, так он и подумал, а может и ему что обломится.

– Да здесь она!... в подсобном помещении товар считает!... У нас ныне прибыль хорошая,... разжились слегка, так что можно и в столицу съездить!... Ну а коли надо позвать её, то я мигом кликну... – дрожащим голосом протараторил бакалейщик и сходу в подсобку кинулся, а он детина здоровый, чуть все углы не посшибал, и уже там кричит.

– Аграфена!... выйди-ка к прилавку!... Феофан пришёл, видеть тебя желает!... – и секунды не прошло, как кухня выскочила. Вся такая раскрасневшаяся, пышная, на мучном и крендельках вскормленная, но юная, страстная, подвижная, так желанием и горит.

– Вы звали меня, Феофан Нифонтович?... – томно говорит она, а сама готова хоть прямо сейчас на него грудью лечь, так и прёт на него дородная. Феофан от неожиданности даже чуть отшатнулся от неё, попятился, но вмиг собрался и нашёлся чем ответить на столь жгучую страсть.

– Поразили вы меня сегодня, Аграфена Силовна,... я такой красоты давно не видел!... Вы верно слышали, что

по молодости я много страдал от любви,... у меня были одни неудачи,... не везло мне,... женщины всё недобрые попадались,... падшие, пользовали меня для своей надобности, а потом бросали!... Несчастный я,... думал уж и по-мру таким,... но тут вас увидел, и сердце оттаяло, я вновь в любовь поверил!... Как же мне теперь без вас жить-то, Аграфенушка,... отныне вся моя судьба в ваших руках,... как прикажете, так я и поступлю,... скажете уходить, я уйду и слова не возражу,... а прикажете, я навечно вашим слугой останусь!... Ну, решайте... – как обычно напустив амурного тумана для обмана, пролепетал он, надеясь произвести должное впечатление. И ведь произвёл, плут красноречивый. Аграфена от чувств аж прослезилась.

– Ах, ты Феофанушка,... молода я ещё, чтоб такие вещи решать-то,... но только и уходить тебе незачем,... ведь и ты мне люб,... вот говорю с тобой, а у самой сердце из груди прям так и выскакивает,... согреть тебя хочет!... Всю твою боль от прежних неудач унять,... пожалеть, утешить,... в этом я полностью твоя,... располагай, как тебе вздумается... – резко перейдя на более задушевное «ты», открылась ему сразу Аграфена. А Феофан и доволен, завладел девичьей душой, она уже и пожалеть его готова. Ну, он и дальше давай свою сеть плести.

– Ах, как я рад твоему согласию утешить меня!... Уж так я исстрадался, что мне теперь неволю ждатель-то,... а что если мы прямо сейчас пойдём да в городском саду погуля-

ем!?!... А я тебе там всё-всё про себя расскажу,... душу изо-
лью, печаль свою поведаю... – жалобно так взмолился он,
и в глаза Аграфене смотрит, словно побитый котик. Ну, она
совсем и растаяла.

– Конечно, пойдём, друг ты мой сердешный,... уж я тебя
пожалую... – под руку Феофана берёт и сама прям из лав-
ки в городской сад его ведёт. А сад-то этот примечатель-
ный, там по устоявшейся в городке традиции влюблённые
первые свидания назначают, а порой бывает, даже и невин-
ность теряют. Так что тонкий намёк Феофана на амурные
обстоятельства в городском саду, был Аграфеной верно ис-
толкован. А потому до места они добрались быстро. Однако
гуляли недолго, и едва стемнело, Феофан, наскоро проведя
лёгкую лирическую подготовку, уже не сдерживая никакой
похоти, утолил своё жгучее желание насладиться девичьи-
ми прелестями Аграфены. Всё произошло пылко и страст-
но, прямо как пишут в бульварных романах. Притом под яб-
лонькой и в нежных ароматах цветущего сада.

Разумеется, для пышной Аграфены это стало выдаю-
щимся событием, тогда как для Феофана рядовой победой
на амурном фронте. Хотя надо отметить, что победа бы-
ла сладка, удовольствие он получил выше прежнего. Впро-
чем, останавливаться на достигнутом он вовсе не собирался.
И тут же проводив Аграфену домой, направился по другому
адресу, а именно, решил навестить дочку галантерейщика.

Как известно прощание с Аграфеной было недолгим, лёгкий поцелуй в уста и обещание скорой встречи вмиг уладили все формальности. Так что буквально через двадцать минут Феофан уже стоял под окном дочери галантерейщика и заливался соловьиной трелью, притом самым натуральным образом. Соловьиную трель он весьма талантливо имитировал, сразу и не отличить. Но Марфа (так звали дочь галантерейщика, следующую жертву Феофана) отлично знала, что он изошрён в этом деле, слышала его искусство на конкурсе местных свистунов, были и такие состязания, демонстрировать способности своего свиста.

А потому Марфушка практически сразу определила, что соловей ненастоящий, и поняла, кто в действительности стоит за этой трелью. Она как раз не спала, ведь была летняя пора, для Марфутки жарко, а ночами даже душно, и она вся распаренная в этот полуночный час только и делала, что представляла, как томится в объятых Феофана. Вот как он ей в душу-то запал. А тут в самый раз он у неё под окнами насвистывать начал, ну явно божий промысел. Хотя доподлинно известно, что здесь без нечистой силы не обошлось, ведь соблазнить за ночь сразу двух девиц, можно только с помощью чёрта или беса. И она, эта помощь, у Феофана была, уж он обучен всяким заклинаньям.

А меж тем Марфушка заслышав Феофанову трель, вмиг вспыхнула страстью немедля им завладеть. Впрочем, страсть в данном случае, наверное, слишком громкое слово, скорее

здесь больше подходит жадность, или даже алчность. Марфа прямо-таки алчела завладеть Феофаном вперёд прочих девиц. Ну, она же не знала, что будет уже второй после Аграфены. А потому, отворив настежь окно, без лишних слов, прямо как была, так и полезла наружу. Феофан, видя такую картину, сначала аж оторопел. Как так? На него из окна в одной ночной сорочке Марфа лезет, да не лицом, а задом наперёд, уж так ей сподручней лезть. Он только ручонки успел подставить, как она в них и впала, да сразу за шею его схватила.

– Неси меня в городской сад, Феофанушка, ... под яблоньку, сокол ты мой ненаглядный, ... спасу нету, как хочу тебя, вон как ты распалил мои чресла своей трелью! ... Да скорей неси, не то сейчас отец от шуму проснётся да в поиски кинется... – лопочет она Феофану на ухо, а сама от нетерпения грудью на него так и ложиться. Ну, Феофан парень неслабый, статный, косая сажень в плечах, подхватил её аки свинарь порося да скорей в сад поволок. Эх, молодость, силы невпроворот, здоровья выше крыши, вмиг в саду под той же самой яблоней, где ранее с Аграфеной кувыркался, он теперь с Марфушкой оказался.

В секунду осыпал её поцелуями, пристроился и, не издав более ни звука, молча, овладел девичьей непорочной красотой. А Марфушка хоть и была схожа с Аграфеной своей полнотелостью, но вот лицом намного отличалась, более свежа и пригожа была. Впрочем, сейчас при лунном свете в полумраке для Феофана это не представляло никакого интере-

са. Он охальник сделал своё дело, насладился, а затем также ловко подхватил Марфушку на руки, и даже толком не отдышавшись, поволок её обратно. А уж она, наконец-то утолив свой амурный голод, так ласково к нему прильнула, что по дороге чуть не уснула.

Однако перед домом Феофан её смачно встряхнул, и как она была в полудрёме, так он её в окошко и протолкнул. Марфушка на прощанье лишь глубоко вздохнула, послала ему воздушный поцелуй, да тут же в постель шмыгнула, раскинулась во всю ширь и вмиг уснула. Феофан же незамедлительно ретировался. А чего без толку-то стоять, дело-то сделано. Всё что наметил, произвёл, коварный соблазнитель.

Но изрядно устал, и притом не из-за любовного томления, а всё больше от изнурительного Марфушкиного ношения. То в сад её отнеси, то обратно доставь. Так что до дому Феофан добрался уже полусонный, и сходу в свою комнату направился, на кровать свалился и мигом в приятное забытьё погрузился. Уж постарался сегодня, так постарался, можно теперь и хорошенько отдохнуть. И всё бы ничего, да только это была лишь первая часть его плана, а с утра намечалась вторая, и надо отметить, без неожиданностей не обошлось.

6

Ох уж эта женская дружба, иной раз и не знаешь, как она обернётся; не то добром, не то разладом. А потому вполне предсказуемо, что с самого раннего утра две подружки, Аграфена и Марфутка, решили друг перед другом свои-

ми ночными, амурными подвигами покичится. Отоспались, и разом, как по команде, повыскакивав из своих домов, друг к дружке навстречу понеслись. Бегут и уже на ходу хвастаться начинают.

– Ой, что у меня вчера подруженька было!... Ты ни за что не угадаешь!... Ох, с кем я целовалась, миловалась!... – едва завидев Аграфену, уже кричит ей Марфушка.

– Ах, а я-то с кем видалась в поздний час!... Вот уж никогда не догадаешься!... – тоже на бегу вторит ей та. Встретились на полдороги подруженьки, и давай наперебой друг дружке о своих любовных похождениях тараторить. Только и слышно от обоих, как они Феофана нахваливают. Да он такой, да он сякой, обходительный, сильный, боевой, теперь навечно будет мой. Балаболят, упиваются, а от гомона друг друга-то и не слышат. Каждая только о своём и талдычит, а подругу слышать не хочет. Минут двадцать орали, и вот наконец-то до них дошло, что они об одном и том же человеке говорят.

– Да как же так-то!?!... Ну, не может быть!... Он же со мной вчера был!... Да я с ним в саду до самой темноты любви предавалась... – удивлённо заявила Аграфена, и на подружку вопросительно смотрит.

– А с ним после полуночи там обнималась,... да как же такое может быть!?!... Он, что же, нас обоих вчера обманом взял!?!... Ах, он кобель пархатый,... вот же мерзавец!.... – вдруг заблажила Марфушка, на что ей тут же возразила по-

дружка.

– Нет-нет!... Ты всё врешь, не было у тебя с ним ничего!... Это ты специально придумала, чтоб мне досадить!... Он меня вчера проводил и сразу домой пошёл!... Я его всего вымотала,... ему не до тебя было!... – злобно воскликнула Аграфена, да руки в боки уткнула, по бабской натуре к драке приготовилась.

– Э, нет,... это ты всё выдумываешь!... Он весь вечер у меня под окном соловьём заливался, меня наружу выманивал, старался!... Уж я его пожалела, уступила!... Он так меня добивался, что ему о тебе и думать-то некогда было!... – тоже подбоченясь вскричала Марфушка.

– Ах, так!... по-твоему, выходит, ему думать обо мне некогда!?... А вот пойдём-ка, да у него самого и спросим!... пусть он нас рассудит!... – неожиданно предложила Аграфена.

– А ну, пойдём, спросим!... – тут же согласилась Марфушка, и давай сразу прихорашиваться. А меж тем уже народ собрался, всем интересно посмотреть, как молодухи ругаются. Люди уже смеяться над ними начали, мол, как обычно девки жениха делят. И тут вдруг, словно ясно солнышко на рассвете, на площадь сам Феофан, собственной персоной, в ярко-оранжевом камзоле выплывает. Одет с иголки, причёсан, припудрен, весь аки цветочная клумба французскими духами благоухает, амурные флюиды источает, вновь юных дев соблазнять желает.

– А в чём тут у вас дело, люди добрые?... В связи с чем сбор, горожане мои дорогие?... – мягонько так у народа спрашивает. Ну, люди тут же расступились и на подруг ему указывают.

– Да вот, известное дело,... молодухи жениха делят,... да всё никак не поделят... – потешаясь, отвечают люди.

– Ох, как интересно,... и кого же это вы делите, девицы-красавицы?... – лучезарно усмехаясь своей белозубой улыбкой, ехидно спрашивает у подружек Феофан.

– Да как это кого делим!?!... Да ты что Феофанушка, шутишь что ли!?!... Тебя и делим!... А ну говори, с кем из нас ты вчера был!?!... С ней, или со мной!?!... – опять наперебой загомонили подружки.

– Ха-ха-ха!... Ну, вы меня и рассмешили,... да разве ж я могу с кем-нибудь из вас быть!?!... да вы что ума лишились!?!... вы на себя-то посмотрите!... Вы девки деревенские, лавочницы,... а я красавец городской, не чета вам!... Видать, вы накануне пирогов с грибами объелись, вот вам и приснилась всякая небывальщина!... ха-ха-ха!... – поднял на смех подружек Феофан, да в отказную головой машет. Народ от его слов хохочет, заливается, на Аграфену с Марфушей пальцами тычет. Но и они не сдаются.

– Ну, нет!... Ничего нам не привиделось!... вон у меня свидетель есть!... Мой родственник, двоюродный брат, бакалейщик, видел, как ты вчера за мной в лавку заходил!... Так что не отопрёшься теперь!... – кричит Аграфена, и ку-

лаками воздух сотрясает. А Феофан ей в ответ.

– Ну и что, ... подумаешь, в лавку заходил, ... это ещё ни о чём не говорит! ... Я много где бываю, ... всего разного покупаю, ... может и к вам заходил, ... так что ерунда всё это, ... ха-ха-ха... – усмехаясь, отрицает он, и тут уж Марфушка возмутилась, молчать не стала.

– Ха-ха, ... а от меня ты не отвертишься! ... Ты вчера тут на всю округу соловьём заливался, меня соблазнял, ... все тебя слышали! ... А потом ты меня на руках в сад отнёс, ... люди нас видели, ... а вернее, человек один, ... он надёжный свидетель, так что теперь ты мой! ... и крыть тебе нечем! ... ха-ха! ... – воскликнула она, но Феофан опять в отказ.

– Ух, ты чего удумала! ... на руках тебя носить! ... Ну, уж нет, такую толстушку даже я не удержу, ... да и соловьём я уже давно не пою, ... навет всё! ... А вот что за человек нас в саду якобы видел, вот это интересно!?! ... Ну-ка расскажи? ... – вновь усмехаясь, спросил он.

– Как какой человек!?! ... а сторож-то в саду!?! ... Уж он-то наверняка нас ночью видел, ведь он там караулит и не мог нас не заметить, ... светила Луна, мерцали звёзды, ... было достаточно светло ... – мигом нашлась, что ответить Марфуша.

– А вот мы у него и спросим, ... с кем это вы, подруженьки, вчера обе в саду развлекались, ... с кем угодно, но только не со мной! ... Идёмте к нему, и сразу узнаем! ... – неожиданно предложил сам Феофан, и уже было собрался идти, как

вдруг из толпы голос раздаётся.

– А чего ко мне идти-то, ... вот он я, садовый сторож, здесь стою! ... Услышал, на площади народ гомонит, толпа собралась, ... ну я и пришёл, посмотреть, в чём дело, ... а тут вона что! ... Подружки спорят, с кем они вчера в саду вечер коротали, ... а я их обоих видел, и они с одним и тем же ухажёром были, ... сначала вон та была, племянница бакалейщика, ... а потом эта, дочь галантерейщика! ... На обоих насмотрелся, ... они обе там амурным делам предавались ... – важно так говорит сторож, и хитро ухмыляясь, усы подкручивает.

– Хм, ... это хорошо, ... это ты нам прояснил, молодец! ... Видел ты их обоих, но вот с кем, ты так и не сказал, ... ну и кто же с ними был-то? ... – эдак настойчиво переспрашивает его Феофан.

– Да как кто!? ... Чёрт с ними был! ... Я ещё удивился, ... подумал, померещилось с перепою! ... Сначала эта с ним под яблоньку шасть, ... а у него всё, как положено; и ноги с копытцами, и лохматый весь, и хвост стручком, и рожки на голове торчком, ... а уж как красив подлец, и в расшитый кафтан одет! ... Ох, и модник, чисто франт! ... А потом видел его уже с этой, ... он её на руках приволок, ... и тоже под яблоньку её бултых, да и пристроил! ... Ух, и ночка выдалась, ... я только креститься успевал, ... как-никак нечистая сила в саду завелась, ... думал, кого ещё чёрт принесёт, ... но, слава Богу, обошлось, ... более уж ничего не случилось ... – разве руками, заключил сторож. А народ как про чёрта от него

услышал, так сразу расходиться стал, не жаловали в городке нечистую силу-то, побаивались. Зато Феофан ржёт, залива-ется.

– Так вы, кумушки, обе с чёртом дело имели, а на меня всё свалить хотели, да не вышло!... Ха-ха-ха,... вот вам наука,... не разевай роток, на не принадлежащий тебе кусок!... Не по зубам я вам!... Ну, вас к чертям,... ха-ха-ха!... – высмеял он подруг и дальше пошёл. Сторож за ним увязался. А Марфушка с Аграфеной стоят, и уж слова друг дружке сказать боятся, ведь кто знает, а может им и вправду нечистая сила голову морочила. Теперь девонькам не до Феофана, уж так получилось, что он вроде как и ни при чём, и теперь уже о них на весь город недобрая слава пойдёт, «чёртовыми невестами» назовут. Ох, и испугались они, да по домам разбежались.

Ну и поделом им, нечего такими неразборчивыми быть, с первым подвернувшимся негодяем под яблоньку ходить. Хотя секрет их ослабления очень даже прост. Оказывается, Феофан накануне сам лично подкупил садового сторожа. Посулил ему досыта горилки за его враньё, вот и весь разговор. Но зато, какой эффект. Да уж без подкупа в тёмных и гадких делишках невозможно обойтись. Однако Феофан и на этом всё никак не успокоится, ему ещё покуражиться хочется, свой план по совращению девиц продолжать собирается, ведь он-то сухим из воды вышел, его-то репутация незапятнанна.

А тем временем все прочие девицы городка, оставшиеся не у дел после яркого шествия Феофана по главной улице, продолжали о нём грезить. И дочка городничего, и племянница возничего, и даже кума ризничего, все они, плюс ещё много-много прочих дев, по-прежнему ходили под впечатлением увиденного. Феофан прямо так и стоял у них перед глазами. Весь такой красивый, статный, разодетый, опрятный, силы необъятной, и конечно мужественный, словно вороной жеребец. А им, провинциальным клушам, только такого и подавай. У них при виде его аж слюнки текли.

Ну а Феофан, прекрасно об этом зная, и не думает прекращать по улицам вышагивать да по площадям фланировать. После утреннего скандала с подружками-дурнушками и часа не прошло, а он уже снова на охоту выбрался, новых жертв ищет. Идёт и по разные стороны свои колдовские взоры бросает. А юных дев от них аж озноб пробирает. Уж что-что, а напустить амурного тумана Феофан умел. И вскоре ясно стало, что дочь городничего, Фёкла, определённо созрела для бурного романа.

Уж она и улыбается Феофану, и глазки ему строит, подмигивает, и ножкой кокетливо подёргивает. Знаки подаёт, дескать, я на всё согласна только возьми меня с собой, хоть до первого кустика, хоть до яблоньки или ёлочки какой. И наверняка Феофан взял бы её, и повторил всё то, что он проделал с предыдущими девицами, притом не один раз

и не только с ней, а ещё и многими другими молодухами городка, но тут случилось такое, что смешало все его планы.

Вдруг нежданно-негаданно на площадь, вдоль да по улочке, вышла юная девушка, стройней которой повеса Феофан отродясь не видывал. Идёт несуетливо, осанка прямая, непринуждённо ножку ставит, вышагивает изящно, аки балерина, да на вывески торговых лавок поглядывает, вроде как ищет что-то. Взгляд у неё устремлённый, никого вокруг себя не замечает, на Феофана ноль внимания, будто и нет его.

А лицо-то у девицы, красоты необыкновенной; не белил на нём, ни румян. Вся внешность натуральная, естественная, глаза огромные, взор открытый, выразительный, пронзительный. Хотя рот и нос не большие, простые, но зато аккуратно ухожены и гармонично на лице расположены. Волосы русые, пышные, серебром отливают, и тугую косу красотой наполняют. Сарафан на ней ситцевый, слегка распашен и ручной вышивкой украшен. На ногах у неё не туфли лаковые, а лапоточки плетёные, лыковой тесьмой окаймлённые. А оттого и походка летящая, всех с ума сводящая.

В общем, не девица, а сказка. Таких красавиц в столицах не встретишь, они только тут, на природе водятся. Истинное очарование. Ну и понятное дело Феофан от её ангельского вида враз осоловел, словно во хмелю очутился. В голове у него всё поплыло, смешалось, и он уж ничего и ничего кроме этой загадочной незнакомки видеть не хочет. А та

так мимо него и прошла, профланировала, не заметила его, а лишь возле галантерейной лавки остановилась, название прочла да вовнутрь зашла.

И вот тут-то Феофана, словно из ушата холодной водой окатило, он в себя пришёл. Но пока ещё не до конца, уж так ему девица в душу запала, и не отпускает. Любовь с ним случилась, и притом большая. Двадцать лет ходил никого не любил, даже колдовской амулет от любви на груди носил, да лишь репутацию зрелым женщинам крушил, а тут на тебе, раз, и влюбился. Устряпался, будто кот в квашню попал, и выбраться уже не получается, потому как такая любовь, только раз в жизни случается.

Впрочем, дело известное, история знает немало примеров, когда на самого отчаянного ловеласа неодолимая страсть нападает. Вон, взять хотя бы гусар, женщин у них прям с хоровод бывает, в очередь выстраиваются, а потом бац, и внезапно одна юная дева всё сердце любовью заполняет. И уж нет прежнего гуляки, а на свет появляется примерный семьянин. Хотя в данном случае дело совсем иное, ведь Феофан далеко не гусар, скорее он чёрту сродни, или того хуже, бесу. А оттого, он, как только томление к юной особе ощутил, так сразу весь переменялся. Теперь уж она его цель, и тут уж не до дочки городничего или племянницы возникшего, вообще не до кого дела нет.

Он в сторону прочих девиц лишь недовольно фыркнул, оскалился, гримасу состроил, дескать, полно мне с вами

в игрушки играть, опостытели вы мне все. Рукой наотмашь вскинул, будто канат оборвал, и мигом к галантерейной лавке шагнул. Встал возле неё, а вовнутрь не заходит, не решается. А как же иначе, ведь там Марфа, дочь галантерейщика, с покупателями общается, его увидит, сразу скандал поднимет, а ему сейчас этого не надо. Хватает и недовольных взглядов от дочки городничего. Уж та на него так злобно смотрит, что оторопь берёт, будто он от неё прямо из-под винца сбежал. У неё теперь к нему вместо обожания ненависть вспыхнула.

И в этом тоже нет ничего удивительного, такое тоже очень часто бывает. И девушка мстить обидчику начинает; за поруганные надежды, за несбывшиеся мечты, за необоснованные посулы, да мало ли за что ещё, да за всё подряд. Но Феофану, грубо говоря, наплевать на все эти рассказы дочки городничего, он ныне в юную селянку без памяти влюбился. Хотя сам ещё толком знать не знает, кто она такая, и откуда пришла. Притом самое обидное, мимо него прошла и даже не заметила, словно он пустое место. Ну как тут ретивое не разыграет, конечно, Феофана это сильно задело.

А тем временем прекрасная селянка все свои приобретения в галантерейной лавке сделала и наружу вышла, да сразу в обратную дорогу направилась, только сейчас у неё в корзинке покупок прибавилось. А Феофан за ней кинулся. Да идёт крадучись, чтоб никто не узрел, куда он путь держит. Виду не подаёт, что за девицей слежку ведёт. Так и шагает,

за ней наблюдает. Уже и площадь прошли, и на малую улочку перешли, а он по-прежнему украдкой ступает, осторожно шаг равняет. Вот уж и до околицы дошли, и тут девица, как обернётся да как сердито закричит.

– Ты чего это, бесстыдник, за мной следишь!... Полагал, я тебя не замечу!?!... Идешь, глаз не отводишь!... Сразу предупреждаю,... коль, что недоброе затеял, так брось, даже и не думай!... Я ведь за себя и постоять могу!... – сурово глядя на Феофана, предупредила она, и из корзинки, из-под покупок, ножик достаёт, дескать, смотри, что у меня есть. А Феофан всё равно не отступает.

– Да ты что!?!... ничего худого я не задумал!... Просто ты мне понравилась,... вот я и пошёл за тобой,... никогда тебя в нашем городке не видел,... ну и решил узнать, откуда ты такая взялась,... вот и всё... – отвечает он ей чуть смешливо.

– Хм,... это только тебе так кажется, что ты меня не видел,... на самом деле ты просто не замечал меня,... ведь в городке-то я много раз бывала,... да и тебя неоднократно видала!... Знаю, что ты за фрукт,... коммерсанта Нифонта сынок,... про тебя много всякого говорят,... мол, ты с женщинами плохо обходишься,... вред им от тебя, для них только одни страдания, семьи разоряешь!... Так что держись-ка ты от меня подальше, не то не помилую,... так резану, что голова с плеч слетит!... – вновь сердито упредила девица, а Феофан опять не отстаёт.

– Это ты правильно говоришь,... по молодости я с мно-

гими женщинами знаком был,... а юных дев, вроде тебя, и не замечал!... А тут вот решил поменяться,... и вдруг тебя увидел, словно вмиг прозрел!... Поразила ты меня своей необыкновенной красотой!... Кто ты и откуда?... скажи!... А я клянусь, зла тебе не причиню,... лишь добрую службу сослужу... – жалостливо так говорит, и руку в знак примирения притягивает.

– Ну, нет!... Мне твоей службы не надо, мне она ни к чему,... без неё жила и дальше проживу!... Есть уже у меня одна забота, и это мой отец, он здешний лесник,... мы с ним в лесу живём,... и никто нам не нужен!... Плохо только, приболел он,... с медведем неосторожно встретился,... тот ему сильно руку разодрал да ногу поранил,... зашивать надо!... Вот я в галантерейную лавку за суровыми нитками и ходила,... у нас-то дома простые, а они не годятся,... пришлось идти, а так бы век тебе меня не видать,... да и мне тебя!... И не ходи ты за мной, недосуг с тобой разговоры говорить,... отец ждёт,... лечить его надо... – окончательно отвергнув все ухаживания Феофана, дерзко ответила девушка и, быстро развернувшись, поспешила прочь из городка.

Феофан не решился идти за ней, ведь она ему ясно дала понять, что ей сейчас не до него. Но главное он всё же узнал, теперь для него не секрет, что она дочь лесничего, притом лесничего раннего медведем, а значит слабого, немощного, который не в состоянии постоять за себя и за дочь. И это обстоятельство весьма радовало и ободряло Феофана, настра-

ивая его на коварный лад.

Теперь оставалось только навести справки об этом лесничем, кто он, и где там в лесу живёт. Где именно находится его сторожка или дом, и как зовут его дочь. Ведь, в конце-то концов, Феофан действительно влюбился в эту юную своенравную и дерзкую красавицу. Но ему даже его изысканный наряд не помог соблазнить её, у них совершенно противоположные интересы и вкусы, и для Феофана это большая загадка. Вот он первым делом и направился к своему отцу, тот человек опытный, всех и всё в округе знает, и на счёт лесника просветит.

8

Заходит Феофан домой и прямо с порога к отцу в кабинет направляется.

– Ох, что сейчас со мной произошло!... Я такого ещё никогда не испытывал!... Все твои колдовские заклятия и мистические заговоры по сравнению с этим просто ерунда!... Ни одна нечистая сила не даст мне такого подъёма чувств и восторга, что я сейчас испытал!... В общем, не буду морочить тебе голову, я влюбился!... Увидел её, и у меня внутри всё перевернулось!... у меня там пожар!... я просто горю желанием завладеть этой девушкой!... Хочу, чтоб она принадлежала только мне!... – восторженно завоскличал он, на что отец спокойно ответил.

– Ну, так и завладей,... тебе же это не впервой,... у тебя для этого всё есть,... твоя хитрость, твоя колдовская ха-

ризма, твой оккультный опыт, позволяют тебе это сделать!... Ты тоже внуши ей любовь,... делов-то,... и я даже догадываюсь, кто она,... наверняка дочка городничего,... думаю, ты просто захотел с ним породниться и тем самым подмять под себя весь городок. Ну что же, похвальное желание,... замечательное дело,... тебе непременно надо этим заняться... – несколько назидательно отозвался он. Однако Феофан тут же возразил ему.

– О нет!... отец, ты неправ!... Всё это мелочи по сравнению с той кого я сегодня встретил!... И эта беспросветно глупая дочка городничего, и сам этот примитивный городничий,... всё это ничто!... А та девушка она просто божественна!... Она, словно соткана из солнечного света!... в ней столько свежести и чистоты,... столько обаяния и естественной красоты!... У меня такое чувство, что в неё вложилась сама матушка природа!... Она ангельски обворожительна,... и она дочка лесничего!... – восхищённо подбирая эпитеты, заключил Феофан, отчего его отец чуть не поперхнулся сливовой наливкой, которую так приятно поглощал.

– Что-о-о-о!?!... – завопил он, – она дочь лесничего, этого здоровенного бугая, коего я знавал ещё лет этак двадцать тому назад!... Да он уже тогда был огромным и упрямым,... не давал мне с друзьями охотиться, где мы хотели,... не пускал нас в лес пошалить, покуролесить!... Помню, я даже на-травливал на него волков,... разумеется, тайно и колдовскими наветами,... но что там дальше стало, я не припомню;

то ли он перебил тех волков, то ли они сбежали от него!... Мне некогда было это уточнять, я тогда уехал в столицу,... меня звали более важные дела,... возраст, пришла пора собирать для себя солидный капитал, а без него никуда!... Что было потом, тебе известно,... там, в столице, я встретил твою матушку,... у нас родился ты,... затем пришлось оставить её,... она мешала моим делам, хотела разоблачить меня!... Но я вовремя выдал её замуж за того проворовавшегося чиновника, и их обоих сослали в Сибирь!... Впрочем, что мне тебе всё это в сотый раз пересказывать, ты и так всё знаешь!... В общем, я с этим лесником давно знаком,... даже дочь его видел,... они как-то однажды вместе заезжали в городок,... она сирота, мать у неё при родах померла,... а зовут её, по моему, Настасья, или просто Настя, как-то так!... И да, ты прав, есть в её внешности что-то первозданное, светлое, лесное, лучистое,... но я никогда не подумал бы, что она тебя так заинтересует!... – откровенно подивился выбору сына Нифонт.

– А вот, видишь ли, заинтересовала!... и не просто так, а я прямо-таки голову от неё потерял!... Не могу ничего с собой поделаться,... никакие заговоры не помогают,... глаза закрою, а она прямо передо мной стоит,... в мозгу отпечаталась,... в мыслях поселилась!... А ведь она меня чуть ножиком не зарезала,... грозилась!... ну и дерзкая!... Я к ней знакомиться кинулся, а она на меня нож достала, мол, не подходи, отпор дам!... Ох, какая смелая, такой девицы я ещё

не встречал!... – опять захохотал Феофан.

– Вот как,... даже с ножом на тебя бросалась!... Поосторожней с ней, а то и вправду голову потеряешь,... с такой девицей надо ухо остро держать,... они там с отцом в лесу живут, у них законы другие,... зарежет и глазом не моргнёт!... Тем более, кто знает, с какими силами они там дружат,... может им сам леший помогает, или кикимора болотная,... бес их ведаёт!... Ведь они там, в лесу, тоже все колдуны и друиды!... Так что может твои чары на неё и не подействуют!... – услышав про нож, вдруг обеспокоенно завокнул Нифонт.

– А мне всё одно, пусть хоть и зарежет,... тянет меня к ней со страшной силой!... Ах, Настенька, милая ты моя,... никому кроме меня не достанешься!... Она говорила, её отца медведь ранил, болен он ныне, слаб,... вот мне как раз сейчас и самое время завладеть ей,... не устоит она супротив моих любовных чар,... а будет артачиться, так силой возьму!... Нет у неё иного выхода, как только моей стать!... Мне бы лишь точно знать, где её искать,... где они там, в лесу живут?... Ты мне только направление подскажи, а дальше я уж сам найду!... Соберусь и пойду,... нет мне покою без неё,... пока ей не завладею, спать не буду!... – категорично заявил отцу Феофан.

– Ну что ж,... зная тебя, могу сказать лишь одно,... отговаривать тебя бесполезно,... уж если ты чего решил, то сотворишь обязательно!... А потому удерживать тебя не ста-

ну, ... иди, они живут в верстах десяти от излумены реки, ... по берегу пойдёшь и найдёшь, ... там недалеко сторожка есть, ... избушка небольшая, но приметная, ... сразу узнаешь! ... Но учти, если сейчас напрямки через лес по тропкам идти, то наверняка заблудишься, заплутаешь, ... так что рекой, берегом отправляйся! ... Однако перед этим я на тебя заклятье наложу, чтоб ты при любом стечении обстоятельств, при любом ранении, даже если тебя ножом проткнут, живой оставался! ... Чтоб любой порез или рана вмиг затягивалась и заживала, ... это для тебя сейчас самое необходимое, ... а то мало ли что, ... вон, как она на тебя с ножом-то бросалась... – строго заявил Нифонт и тут же, не тратя зря времени, начал над Феофаном обряд проводить.

Опоил его каким-то зельем, смазал ему всё тело какой-то мазью; не то ведьминым жиром, не то чёртовой слюной, в общем, чем-то связанным с нечистой силой, и заклятье стал читать. А как всё прочёл, обряд провёл, так быстро проводил сына, и спать улёгся, устал, уж больно много сил на заговор потратил. Да и поздно уже было, ночь на дворе. Луна светит, звёзды мерцают, но Феофану они самое то, в подмогу. Хотя все его мысли сейчас лишь на недоброе дело нацелены, плохое он задумал, нехорошее. Решил, во что бы то ни стало, этой ночью овладеть Настенькой. Любовь его только ещё озлобленной и жесточе сделала. И он покрался чёрной тенью к своей цели.

Однако справедливости ради надо заметить, что этой ночью не только у Феофана возникли злые намерения. Едва он вышел из дома и направился к реке, как тут же от ближайшего закоулка отделилась другая чёрная тень и двинулась уже за ним следом, в том же направлении. Такого поворота событий было трудно ожидать, но это состоявшийся факт, за Феофаном началась слежка. Впрочем, он был сейчас настолько поглощён своими мыслями, что даже ничего не заметил.

Пройдя строго тем путём, о котором ему говорил отец, Феофан, спустя всего час был уже на месте. Избушку лесника он нашёл быстро. В окне горел слабый свет. Настя с вечера ухаживала за отцом; зашивала ему рваные раны нанесённые медведем, делала обезболивающий компресс, и, не гася на ночь светильника, осталась дежурить у постели. Именно этот огонёк от светильника и заметил Феофан. Заглянув в оконце он сходу оценил обстановку и наметил план действий. Но не столь радикальный, как хотел ранее сгоряча, а более мягкий. Решил действовать не грубо с наскока, а коварно и с хитростью.

Быстро весь извалялся в листве из лесной подстилки, местами извоzilся в грязи и смоле, отчего сразу приобрёл жалкий вид. А острый нож, который он захватил на тот случай, если Настя будет сопротивляться, припрятал подальше за пазуху. Изобразил на лице страдальческую гримасу, припал на одно колено, скрючился весь, и постучал в дверь. Тем временем его место у оконца заняла шествующая за ним

от городка чёрная тень. А спустя ещё несколько секунд дверь осторожно отворилась и на пороге со свечой в руке показала Настя.

– Кто здесь?... – освещая пространство перед собой, тихо спросила она.

– Это я,... Феофан,... твой недавний знакомец,... не послушался я тебя,... тайком увязался за тобой, да упустил из вида и заблудился!... Плутал по лесу, пока совсем не стемнело,... а потом каким-то чудом вышел на огонёк из вашего окошка,... заглянул, а там ты!... Прости ты меня, непослушного,... уж я и так наказан,... избился весь, исколотился, пока в лесу плутал!... Пусти в дом хоть на минутку, отдохнуть, согреться,... водицы испить, и поведать тебе о своей любви,... прости,... измучился, сил нет!... Дай возможность повинится, всё рассказать,... не сердчай, не откажи,... может, я тебе ещё и пригожусь... – жалостливо так, но однозначно лживо, попросил Феофан, и это не подействовало на Настю.

– Ну, нет,... не пушу я тебя в дом,... не верю я тебе,... притворяешься ты,... вон какие у тебя злые искорки в глазах блестят!... Уж много я о тебе наслышана,... о коварстве твоём,... оставайся здесь подле двери,... а воды я тебе дам, ... да и тёплое одеяло принесу, чтоб под утро совсем не замёрз,... но в дом ни шагу... – словно чуя неладное, отказала ему Настя. И вдруг из глубины комнаты раздался голос отца.

– Не торопись отказывать, Настенька,... может он и вправ-

ду в беду попал, ... и ему, как и мне, помощь нужна, ... у любого человека должен быть шанс на исправление ... – подавляя боль, вступился он за Феофана.

– Эх, отец, ... добрая ты душа, ... я же тебе уже говорила, как он себя сегодня вёл, когда за мной шёл, ... крался, как матёрый волк, ... преследовал, ... сразу видно, что-то недоброе затеял, иначе бы открыто знакомился! ... А ты его жалеешь, ... э-хе-хе, ... ну, ладно уж, ... не могу же я тебя слушаться, ... впусти его, ... но только ни слова о любви, ... не хочу ничего подобного слышать! ... Попьёт воды и сразу, молча, ложится к печке отдыхать! ... Ну, может, ещё горячего чая ему сделаю ... – послушавшись отца, запустила в дом Феофана Настя. А тому только этого и надо. Он бочком-бочком да как гадкая змея вполз в комнату, и тут же в уголок у печки присел. Ждёт, когда Настенька ему воды подаст.

Меж тем отец продолжил рассуждать о том, что любого человека можно исправить и добрые поступки всегда окупаются. Ему было легче переносить боль, разговаривая с внезапным собеседником. Феофан, слушая его, живо взялся поддакивать. А спустя всего пару минут он уже совсем близко придвинулся к отцовской кровати. Настя дала Феофану воды, кинула ему тёплое одеяло, и теперь он, словно домашний пёс подле своего хозяина очень удобно пристроился у его ног. Согрелся, притулился к спинке кровати, и по-прежнему продолжал поддакивать искренним рассуждениям больного.

Так прошло ещё с десяток минут. Разговор лился рекой. Но вскоре усталость от столь философских рассуждений сделала своё дело, отец утомлённо закрыл глаза и уснул, а вернее забылся крепким сном. Настя осталась один на один с Феофаном. И вот тут-то он решил действовать уже радикально. Резким, сильным, ловким рывком, Феофан, словно коршун на жертву, накинулся на Настю со спины. Левой рукой он зажал ей рот, а правой мигом достал из-за пазухи свой нож и приставил его к Настиному горлу.

– А ну тихо, ни звука, ... молчи и не дёргайся, не то враз прикончу и тебя, и твоего отца, ... проткну ему сердце, а над тобой ещё и поглумлюсь! ... Как видишь, теперь я, вооружён и опасен, ... не только ты умеешь с ножом обращаться, ... и правильно ты не поверила мне, ... почуяла подвох, ... не жалобиться я к тебе пришёл, а завоевать тебя! ... Ненавижу, когда мне отказывают, ... смирись девчонка, твоя судьба решена, ... этой ночью ты станешь моей, ... уж я от тебя не отступлюсь! ... Отныне ты моя добыча, и никто не помешает мне овладеть тобой, в этом деле мне равных нет! ... В амурных делах я сущий дьявол! ... Сказал, люблю, и точка... – несколько пространно и растянуто протараторил он на ухо Насте, и эта растянутость сыграла свою роль.

Настенька успела сориентироваться и прейти в себя от столь внезапного нападения. Она, воспитанная отцом в лесу, оказалась готова ко всяким неожиданностям, а потому зазря сопротивляться не стала и тоже схитрила; изоб-

разила испуганную овечку и покорно повиновалась напору Феофана. А он потихоньку, так чтоб не разбудить отца, стащил Настю к себе на пол, и не отводя ножа от её горла начал готовится к исполнению амурного обряда, того самого, что проделал он ранее с другими девицами. Уж так ему не терпелось овладеть Настей.

Однако Настя была далеко не согласна с ним, а оттого едва он стащил с себя штаны и буквально на миг ослабил свою хватку, она резко перешла в атаку. Перехватила нож, заломила Феофану руку, и одновременно ударила коленом по его оголённому причинному месту. Такому приёму её обучил отец ещё в самом детстве. Феофан же от того взвыл так, что в избушке заходили ходуном вековые брёвна. Настя, пользуясь этой паузой, вскочила на ноги и отпрянула в тёмную часть комнаты, куда не доставал свет от свечи. Разумеется, тут же проснулся отец. Бедняга спросонья не мог понять, в чём дело.

А тем временем Феофан очухался и тоже вскочил на ноги. В его руке по-прежнему блестел нож, ведь Настенька лишь отвела его от себя, а выбить не успела. Феофан обвёл комнату злым взглядом, однако Насти не заметил, она затаилась в тени. Ещё бы секунда и Феофан непременно кинулся бы на отца, его смерть от ножа была бы мгновенной. Но тут из тёмного угла вдруг показалось дуло ружья, при этом точно направленное в грудь Феофана.

– Ещё шаг и я застрелю тебя на месте... – следом за дулом

послышался уверенный голос Насти.

– Тихо-тихо, не шали,... всё-всё, я понял свою ошибку,... с тобой нельзя по грубому,... и правильно твой папаша говорил, что меня исправит только доброта... – мигом оценив ситуацию, вновь лживо залепетал Феофан.

– Ну, хватит тут лить елей!... это тебе уже не поможет!... А ну пошёл вон,... не то точно пристрелю, не помилую... – уже более сердито осекла его Настя, и даже для остротки ногой топнула. Отчего Феофан вздрогнул и попятился назад к двери, притом прямо как был, со спущенными штанами. Одно мгновение и он, споткнувшись о порог, уже кубарем катился прочь от избушки.

– Я ещё с вами не закончил!... я ещё вернусь!... – напоследок прокричал он кувыркаясь. На что Настя просто выстрелила в воздух. Эффект от выстрела был ошеломляющим. Феофан пулей выскочил на берег реки и помчался аки заяц от лисы, странно подпрыгивая и на ходу поправляя портки. А поправив задал такого стрекоча, что только пятки засверкали. Однако своего ножа из рук он так и не выпустил, ох и мерзавец. Настя же видя его паническое бегство, лишь рассмеялась, и, затворив за собой дверь, пошла вовнутрь, успокаивать бедного отца. Он пока так и не понял, от какой беды спасла его дочка.

В ту же самую секунду от оконца избушки отпрянула тёмная тень и торопливо удалилась вслед за убегающим Феофаном. Вновь началось его преследование той неведомой фи-

гурой. Ну а далее события развивались весьма непредсказуемым и даже мистическим образом.

10

Светало. Брезжил рассвет. Уже практически наступило утро, когда в дверь дома Нифонта, не стучась, а открыв замки своим ключом, вошло тело Феофана. Да-да, это было именно оно, тело, потому как туловище без головы, назвать полностью человеком нельзя. У него всё было на месте: и руки, и ноги, и живот, и пупок, и даже штаны на ширинке застёгнуты, а вот головы на нём не было. Оттого и стоит его называть лишь телом, а не самим Феофаном.

Итак, тело Феофана неспешно зашло в дом, и также неспешно уселось на кухне на стуле, вроде как чаю попить собралось. Жуткое зрелище, надо отметить. Чертовщина какая-то. Это вам не мёртвый «всадник без головы» из романа Майн Рида, привязанный верёвками к лошади, а то настоящий, живой, самостоятельно ходящий субъект. Это просто ужас. А меж тем разбуженный шумом в прихожей, вышел из своей комнаты, позёывая, сам хозяин дома, Нифонт.

– Феофан, это ты что ли!?!... и где же тебя черти носили!?!... шарисься до утра незнамо где!... – ещё не видя своего сына завосклицал он, направляясь в кухню. А там его ждал страшный сюрприз. Вместо сына он увидел за столом лишь его обезглавленное тело. Однако реакция Нифонта на это была более чем странная.

– Вот так дела,... всё-таки голову от любви ему снесло,...

ну вот как сказал, так по его всё и вышло, «Ах, отец, я голову от любви потерял», ... и вот результат!... Ох, и дурной же его язык,... теперь вот ходи, ищи, где он её потерял!... Тьфу ты,... bestия амурная... – ругнулся он, ничуть не удивившись, и стал оглядывать место отсечения самой головы. А вот там, что поразительно, никакого кровавого следа или шрама не осталось, всё зажило, затянулось и лысо, словно колено торчит, а не обрубок шеи. Вот такая штука.

– Это хорошо, что всё затянулось, как я и наколдовал,... никакого ранения, сплошное сращение тканей!... Ну, вот забота, теперь его голову искать, и сращивать её ещё потом с телом,... а я не выспался, трудно, помощник нужен!... Да уж, чую, тут без полицмейстера не обойтись,... надо с ним идти к леснику, и официально требовать, пусть тот вернёт голову,... наверняка он её забрал,... ведь Феофан вечером к нему же направился,... к его дочке пошёл,... ну я ж предупредал его, не связывайся с ней!... Э-хе-хе, не послушал меня,... ну да ладно, чего уж теперь говорить-то,... вот сейчас чайку попью и пойду полицмейстера на ноги поднимать... – как-то уж совсем нерасторопно пробурчал Нифонт и взялся чай на плите разогревать. Притом так обыденно, будто ничего и не случилось. Здесь рядом его сын без головы сидит, а он решил чаю попить.

Ну что тут поделать; у каждого своя реакция на такое происшествие, у простого родителя одна, а у колдуна-воителя связанного с нечистой силой, совсем другая. Меж тем про-

шло полчаса. За это время Нифонт попил чаю, умылся, оделся и наконец-то пошёл к полицмейстеру, благо тот жил неподалёку. Быстро разбудил его, сунул в руку банкноту крупного номинала, да рассказал, какое горе с его сыном случилось. Дескать, так и так, лесник злодей тому голову срубил да у себя дома её сохранил, а тело гулять отправил. Мол, тот лесник с лешим водится, и они вместе колдовским заклятьем балуются. Оттого сын без головы домой и пришёл.

Одним словом за взятку навёл на лесника напраслину. А полицмейстер, как банкноту в ладони ощутил, так, словно заново ожил. Вскочил, оделся, обулся и аж бегом, не жалея живота своего пышного, в участок помчался. Взял там, на подмогу, трёх обломов полицейских, соседского пса-ищейку, и, погрузившись со всей этой компанией в пролётку, понёсся по лесной дорожке к избушке лесника. Нифонт разумеется с ними. Правда, часть пути пришлось идти пешком, пролётка в зарослях застряла. Но всё же дошли, и сразу давай дверь пинками вышибать.

– Открывай, душегуб!... Отдавай голову!... Куда ты её подевал!?!... – орут во всё горло, а собака их лает, заливается. Шуму понаделали, будто при пожаре. Ну, Настя дверь им и открыла, да в недоумении спрашивает.

– Какая ещё голова!?!... Вы что, господа хорошие, с ума посходили, с утра пораньше двери ломаете!?!... Мало того, что ночью нас сынок Нифонта Игнатьевича чуть не зарезал, так вы теперь ещё гурьбой пожаловали,... и сплошь полицей-

ские... – узнав в неожиданных визитёрах полицмейстера с Нифонтом, возмутилась она.

– Ага,... так значит, ты признаёшь, что мой сын здесь был! ... А ну говори, куда его голову подевала!?!... Он домой без неё заявился!... – сходу напустился на Настю Нифонт.

– Да что вы такое говорите!?!... Да, он был здесь,... я и не скрываю этого,... прикинулся больным, раненым, попросился на постой!... У меня у самой отец больной, медведем раненый,... ну и пожалел он вашего сынка,... велел впустить его,... а тот посреде ночи на меня накинулся, мол, люблю,... только моей и будешь,... и нож к горлу приставил!... Да это он меня чуть головы не лишил, а не я его,... насилу от него отбилась,... только ружьё и помогло его прогнать!... Он вон, по бережку со спущенными штанами так от меня и сбежал!... Уж если что, то я бы не голову ему отхватила, а просто пристрелила,... так-то!... – вновь возмущённо откликнулась Настя. Отчего настроение у полицейских и Нифонта сразу сменилось.

– Хм,... сбежал, говоришь!... Ну, это может быть,... ведь ни крови Феофановой, ни его духа, тут у вас нет,... иначе бы собака сразу учуяла,... а значит, ты правду молвишь!... Смелая ты девица,... моему сыну противостоять мало бы кто отважился,... а ты вон как!... Говорил я ему, предупреждал, чтоб не совался,... а он не послушался, оттого и голову потерял,... но не ты её срубила!... Гляжу я на тебя, и понимаю, что справится с Феофаном, у тебя не хватило бы сил, ведь

он здоровяк, тут мощь нужна,... а ты вон какая, стройная, тоненькая,... но боевая, молодец!... Ну да ладно,... вижу, не виновна ты,... иди уж, лечи своего отца... – рассудив, что причиной безголовости его сына надо искать в другом месте, заявил Нифонт, и резко вышел из избы. Полицейские с собакой конечно за ним последовали.

И тут вдруг пёс как взбесился; жадно повёл носом воздух, рванул к оконцу избышки, обнюхал его тщательно, мгновенно признал знакомый запах и резко бросился бежать вдоль берега реки. Естественно вся розыскная компания тут же пустилась следом. Так прямо и понеслись, не зная усталости и жалости к себе, бежали как подорванные. Запыхались, выбились из сил, но домчались-таки, аж до самой городской околицы, уж сюда их пёс вывел. И тут перед ними предстала страшная картина случившегося преступления; помятая трава, везде пятна крови и следы сумятицы. Полицмейстеру, многоопытному человеку в таких делах, сходу всё стало ясно.

– Вот здесь на вашего сынка и напали!... Была явная драка, повсюду признаки борьбы,... а вон и оторванная пуговка от кафтана,... точно вашему сыну принадлежала,... тут-то ему голову-то и отхватили!... А вот здесь его тело поднялось и само домой пошло,... вон, видны следы его хромовых сапог!... А вон ещё следы, и это уже от женских туфель,... но они никак не могут принадлежать дочери лесника, ведь та в лаптях ходит,... откуда ж у неё деньги на туфли-то!... А эти

по следам видно, дорогие и с каблуками, притом весьма тяжёлые, ... значит, их полнотелую хозяйку надо в городе искать... – хорошенько разглядев место преступления, уверенно заключил полицмейстер, и в ту же секунду пёс как по команде снова взял след.

Обнюхал отпечаток женской туфли и помчался дальше. Все естественно устремились за ним. Но бежали недолго, пёс несся быстро, а то место, куда он их привёл, поразило всех до бескрайности; это был дом городничего. Пёс лаял и рвался вовнутрь, словно сумасшедший, его неистовое рычание сходу стало будоражить всю округу. Делать нечего, пришлось вновь применить нестандартные методы проникновения в дом, проще говоря, вышибать в дверь. Особенно усердствовал Нифонт.

– Ломайте её!... Снесите к чертям!... Ради головы сына ничего не пожалею!... всех озолочу!... – кричал он, и полицейские повиновались. Вынесли дверь за две секунды. Пёс сразу ринулся вверх по широкой лестнице, ведущей на второй этаж в женские покои. Притом ринулся не абы куда, а напрямиком в комнату дочери городничего. Все гурьбой бросились за ним. А там, в комнате, на туалетном столике, возле постели, покрытая кружевной салфеткой, стояла на гранитной подставке голова Феофана. Нифонт мгновенно сдёрнул с неё салфетку, и пред всеми тут же открылось лицо его сына с той неподражаемой, широкой, белозубой улыбкой, что он всегда имел на устах. Да-да, голова Феофана, невзирая

на свою отдалённость от тела, весело улыбалась.

– Нет, ну вы посмотрите на него,... он и здесь смеётся!... Ну что за человек такой, ему голову отсекли, а он ржёт как лошадь!... Ох, Феофан-Феофан,... доулыбался-таки... – укоряюще воскликнул Нифонт, и взял голову сына в руки. Отчего тут же проснулась спящая рядом дочь городничего, Фёкла.

– А ну дай сюда!... он мой!... я его себе забрала!... Теперь он навсегда при мне будет,... нечего по другим девкам шагать,... я его вчера весь день выслеживала пока он по ним бегал,... аж к дочке лесничего совался!... Но я его выследила,... от меня не сбежишь,... что он, зря что ли, мне глазки строил, соблазнял да подмигивал?... я такого не упускаю!... теперь он навеки мой!... – вырвав у Нифонта из рук голову его сына, категорично заявила она и прижала её к своей груди. Тут и сказать-то нечего, диагноз нужен; не то девка ума лишилась, не то её любовь с ненавистью смешались да в порочную болезнь превратились, пока неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.